

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ КАК ФОРМА ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ПРАКТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ

Чемезов Н.А., аспирант кафедры «Философия»

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

*Научный руководитель: Ремарчук В.Н., доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедрой «Информационная аналитика
и политические технологии»*

Аннотация: В статье рассматривается социальная технология как форма перевода научного знания в практическое действие. Показано, что научное знание приобретает технологический статус при переходе от объяснительной модели к процедурно организованной схеме преобразования социальной ситуации. Уточняется, что такой переход включает проблематизацию, целеполагание, выбор средств, распределение ролей, определение критериев результата и организацию обратной связи. Делается вывод, что социальная технология выражает особый способ практического бытия социально-гуманитарного знания, сохраняющий зависимость от контекста, ценностей и человеческой субъектности.

Ключевые слова: социальная технология; научное знание; практическое действие; социально-гуманитарное знание; процедура; целеполагание; социальное управление; философия науки и техники.

Проблема связи научного знания и практического действия относится к числу базовых вопросов философии науки и техники. В инженерных областях этот переход обычно получает выражение в проекте, конструкции, производственном процессе или техническом регламенте. В социально-гуманитарной сфере он устроен сложнее: знание имеет дело с субъектами, нормами, ожиданиями, ценностями и исторически изменчивыми контекстами. Поэтому категория социальной технологии позволяет описать не внешнее «применение» теории, а особый механизм преобразования знания в организованную практику.

Актуальность такой постановки определяется разрывом между развитостью социально-гуманитарного знания и недостаточной процедурной оформленностью его практического использования. И.Т. Касавин связывает проблематику социальных технологий с прикладными возможностями социально-гуманитарных наук и указывает на сохраняющийся разрыв между социальными науками и практикой принятия крупных решений [1, с. 9–10]. В этом смысле социальная технология выступает не вторичным приложением к теории, а формой, через которую знание получает способность участвовать в преобразовании социальной реальности.

В отечественной литературе понятие социальной технологии трактуется широко, что создает риск его методологического размывания. В.В. Щербина показывает, что термин используется для обозначения

ния инструментальных средств преобразующей и корректирующей социальной практики, причем различия в его понимании продолжают нарастать [2, с. 113–114]. М.В. Плотников и С.В. Смельцова также фиксируют множественность подходов к определению социальных технологий и необходимость выявления их общих признаков [3, с. 169–171]. Для настоящего анализа принципиально важно выделить тот признак, который связывает социальную технологию с философией науки: ее способность переводить знание в воспроизводимую форму действия.

Научное знание само по себе еще не является социальной технологией. Оно может объяснять процесс, описывать структуру института, выявлять факторы поведения или реконструировать ценностные основания действия. Технологический статус появляется тогда, когда такое знание получает процедурное выражение. Социальная ситуация должна быть представлена как объект возможного изменения; цель должна быть сформулирована в достижимом виде; средства должны быть соотнесены с условиями действия; последовательность операций должна получить устойчивую форму; результат должен быть связан с критериями проверки.

Именно процедурность образует ядро социально-технологического перевода. Ю.М. Резник подчеркивает, что технология не исчерпывается отдельным методом, а включает совокупность схем, процедур и техник, связанных единым алгоритмом реализации плана, проекта или модели [5, с. 150–151]. Следовательно, процедура не добавляется к содержанию после его разработки. Она является способом существования содержания в практике. Если цель не расчленена на операции, средства не распределены по этапам, а результат не включен в механизм проверки, то перед нами остается концепция, программа или управленческое намерение, но еще не социальная технология.

Перевод знания в практическое действие можно представить как последовательность взаимосвязанных операций. Первая связана с проблематизацией: социальная ситуация выделяется из общего потока событий как требующая целенаправленного изменения. Вторая выражается в целеполагании: из множества желательных состояний выбирается то, которое допускает практическое достижение. Третья состоит в нормировании: определяются правила, роли, границы вмешательства и допустимые способы воздействия. Четвертая имеет инструментальный характер: подбираются методы, ресурсы, каналы коммуникации и организационные формы. Пятая замыкает процесс через оценку результата и корректировку действия.

Такой переход не равен механическому переносу технической логики в общество. Социальный объект обладает интерпретативной природой: участники действия способны понимать воздействие, переопреде-

лять ситуацию, сопротивляться предлагаемой схеме или включать ее в собственные интересы. Поэтому социальная технология соединяет процедурную определенность с контекстной чувствительностью. Н.Е. Осипов связывает категорию социальной технологии с практической деятельностью социальных субъектов и с созданием учреждений, норм общения и иных установлений, регулирующих внутрисоциальные процессы [4, с. 107–109]. Данная позиция позволяет рассматривать технологию как форму организации человеческой деятельности, а не как безличный алгоритм.

Из этого следует различие между социальной технологией, методом и проектом. Метод выражает отдельный способ действия и может входить в состав технологии. Проект фиксирует целевую конструкцию и образ желаемого состояния. Социальная технология связывает метод и проектный замысел в последовательность практического осуществления. Ее вопрос заключается в том, как соединить знание, цель, средства, исполнителей, критерии результата и корректировку в единую схему действия. Такая связность делает технологию самостоятельной формой перехода от теоретического описания к социальной практике.

Научное знание в структуре социальной технологии выполняет несколько функций. Оно задает понятийное описание объекта, отделяя существенные признаки ситуации от второстепенных. Оно обеспечивает причинное и функциональное понимание процесса, без которого выбор средств становится произвольным. Оно ограничивает субъективизм исполнителя, поскольку технологическая схема требует обоснования в проверяемых представлениях о социальной связи. Оно формирует язык оценки результата, позволяя соотнести итог действия с исходной моделью объекта.

Социальная технология имеет также нормативное измерение. Любая процедура воздействия несет представление о допустимых целях, приемлемых средствах, статусе участников и желательном состоянии социального порядка. Поэтому перевод знания в действие одновременно является переводом определенной ценностной позиции в организационную форму. Здесь проявляется философская значимость темы: социальная технология показывает, каким образом знание начинает действовать в обществе и какие формы ответственности возникают при таком действии.

Важным условием социально-технологического перевода является институционализация. Процедура получает устойчивость через регламенты, документы, распределение компетенций, подготовку исполнителей и закрепление каналов коммуникации. На этом уровне научное знание перестает зависеть от единичного автора или уникального управленческого случая. Оно включается в организационную память и становится доступ-

ным для повторного применения другими субъектами. И.Т. Касавин указывает, что разработка понятия, структуры и функций социальных технологий, а также их внедрение в образование, практику науки, производства и принятия решений способны снижать разрыв между различными субъектами социального действия [1, с. 10].

Обратная связь завершает перевод знания в практическое действие. Первоначальная модель задает цель и процедуру, а результаты применения возвращаются к субъекту технологии в виде данных, наблюдений, конфликтов, отклонений и новых интерпретаций. За счет этого технология уточняет собственные операции и адаптируется к изменяющимся условиям. Без обратной связи практическое действие превращается в жесткое следование схеме, а научное основание перестает проверяться в ходе реализации.

Современная цифровая среда усиливает значение рассматриваемого перехода. Данные, платформы, алгоритмические интерфейсы и системы мониторинга ускоряют преобразование знания в практические решения. Социальное знание получает возможность быстро классифицировать ситуации, распределять ресурсы, ранжировать сообщения, отслеживать поведение и корректировать организационные процедуры. Ускорение такого перевода повышает риск формальной управляемости, когда процедура начинает опережать содержательное понимание. Поэтому цифровизация делает философский вопрос о связи знания и действия более значимым для будущего социальных технологий.

Итак, социальная технология может быть определена как форма процедурного перевода научного знания в практическое действие. Ее сущность раскрывается в превращении теоретического описания в целевую, нормативную, инструментальную и проверяемую схему организации совместной деятельности. Такая технология возникает на границе науки и практики: она опирается на знание, существует в действии, ориентируется на результат, зависит от ценностей и сохраняет чувствительность к контексту. Рассмотрение социальной технологии в данном ракурсе уточняет ее место в философии науки и техники: она выражает особый способ практического бытия социально-гуманитарного знания, через который научное понимание общества приобретает форму регулирующего и преобразующего действия.

Литература и источники:

1. Касавин И.Т. Социальные технологии и научное знание // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXVI. № 4. С. 5–15.
2. Щербина В.В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 113–124.

3. Плотников М.В., Смельцова С.В. Социальные технологии как объект социологического исследования // В мире научных открытий. 2012. № 4.3 (28). С. 169–188.
4. Осипов Н.Е. Содержание и методологическая роль категории «социальная технология» в осмыслении целостности общества // Философия и общество. 2012. № 2. С. 107–119.
5. Резник Ю.М. Социально-гуманитарные технологии управления: к возможности применения в образовательных практиках // Человек. 2010. № 4. С. 139–158.
6. Ремарчук В.Н. Информационно-аналитическая деятельность: проблемы и перспективы // Вестник Академии военных наук. 2023. № 1 (82). С. 31–35.